

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 3 (106). С. 182–193.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023.
 Vol. no. 3 (106). P. 182–193.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
 (юридические науки)**

Научная статья

УДК 340.692+343.1

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.19.68.016

**К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРМИНА
 «ПРОИЗВОДСТВО СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ»
 В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
 РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Светличный Александр Алексеевич

Тульский государственный университет, Тула, Россия, alexandrsvetl@rambler.ru

Введение. Вопрос о значении терминов в науке вполне справедливо и обоснованно представляется ученым одним из самых сложных, поскольку он затрагивает глобальные проблемы познания. Познавательная среда – это очень сложное явление, незаметно влияющее на человека и определяющее его мышление, поступки и в целом – его мировоззрение. Язык, являясь отражением человеческого бытия и сознания, прошел все этапы развития вместе с человеком и обществом. В этой связи проблема значения термина имеет давнюю историю и различную терминологическую оболочку (форму).

Вместе с тем на сегодняшний день в системе уголовно-правовых наук остается ряд неразрешенных вопросов относительно содержания, значения и использования как в теории, так и на практике, некоторых терминов.

Полагаем, что одним из таких примеров можно назвать использование законодателем термина «производство судебной экспертизы» в названии главы 27 УПК РФ. В соответствии с этим, целью написания данной статьи является попытка рассмотрения вопроса о целесообразности и корректности использования законодателем данной формулировки сквозь призму терминологического анализа. С позиции терминологического аспекта анализируется место и значение судебной экспертизы в системе следственных и процессуальных действий.

Материалы и методы. Нормативную базу исследования составили Конституция РФ, уголовно-процессуальное законодательство России, иные нормативно-правовые акты, регламентирующие порядок назначения и производства судебной экспертизы, научные исследования отечественных и зарубежных ученых по вопросам обозначенной проблематики. При написании статьи использовались фундаментальные положения материалистической диалектики, а также общие и частные методы научного познания, в том числе, исторический и сравнительно-правовой, логико-философский, обобщения, описания и другие.

Теоретическая и практическая значимость данной работы определяется сформулированными в ней положениями и выводами, направленными на совершенствование терминологического аппарата как уголовно-процессуального права, судебной экспертологии, так и уголовно-правовых наук в целом.

Результаты исследования. На основе анализа нормативно-правовой базы системы предварительного расследования, а также правовых источников назначения и производства судебной экспертизы, теоретических позиций различных ученых, автор приводит аргументированное мнение о роли и месте судебной экспертизы в системе следственных действий. Это позволяет судить о терминологических неточностях, которые имеются в настоящее время в названии главы 27 УПК РФ.

Выводы и заключения. Сделан вывод о том, что использование законодателем термина «производство судебной экспертизы» в главе 27 УПК РФ вступает в противоречие с содержанием термина «производство» и субъектом деятельности в отношении производства судебной экспертизы. Наличие этого терминологического противоречия вносит неоднозначность его понимания не только в теории, но и на практике, затрудняет комплексное понимание всей системы предварительного расследования, нивелирует институт сведущих лиц.

Ключевые слова: терминология, доказательства, следственные действия, процессуальные действия, производство судебной экспертизы, назначение судебной экспертизы, эксперт, следователь.

Для цитирования: Светличный А. А. К вопросу о целесообразности использования термина «производство судебной экспертизы» в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журнал. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. № 3 (106). С. 182–193.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.19.68.016

5.1.4. Criminal Law Sciences

Original article

THE ADVISABILITY OF USING THE TERM "PRODUCTION OF FORENSIC EXPERTISE" IN THE CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Alexander A. Svetlichny

Tula State University, Tula, Russian Federation, alexandrsvetl@rambler.ru

Introduction: The question of the meaning of terms in science is quite rightly and justifiably presented by scientists as one of the most difficult, because it affects the global problems of cognition. Cognitive environment is a very complex phenomenon, imperceptibly influencing a person and determining his thinking, actions and in general - his worldview. Language, being a reflection of human existence and consciousness, has gone through all stages of development together with man and society. In this regard, the problem of the meaning of the term has a long history and different terminological shell (form).

At the same time, today in the system of criminal law sciences there are a number of unresolved issues regarding the content, meaning and use of some terms both in theory and in practice.

We believe that one of such examples is the use by the legislator of the term "forensic examination" in the title of Chapter 27 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. In accordance with this, the purpose of writing this article is an attempt to consider the question of the appropriateness and correctness of the use of this wording by the legislator through the prism of terminological analysis. From the standpoint of the terminological aspect, the place and significance of forensic examination in the system of investigative and procedural actions is analyzed.

Materials and Methods: the normative base of the study was the Constitution of the Russian Federation, the criminal procedural legislation of the Russian Federation, other legal acts regulating the procedure for the appointment and production of forensic examination, as well as scientific research by domestic and foreign scientists on the identified issues. When writing the article, the fundamental provisions of materialistic dialectics were used, as well as general and particular methods of scientific knowledge, including historical and comparative legal, logical and philosophical, generalizations, descriptions, and others.

The theoretical and practical significance of this work is determined by the provisions and conclusions formulated in it, aimed at improving the terminological apparatus of both criminal procedure law, forensic expertology, and criminal law sciences in general.

The Results of the Study: Based on the analysis of the normative-legal base of the system of preliminary investigation, as well as legal sources of appointment and production of forensic examination, theoretical positions of various scientists, the author provides a reasoned opinion on the role and place of forensic examination in the system of investigative actions. This allows us to judge the terminological inaccuracies that currently exist in the title of Chapter 27 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation.

Findings and Conclusions: It is concluded that the use of the term "forensic examination" by the legislator in Chapter 27 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation conflicts with the content of the term "production" and the subject of activity in relation to the production of forensic examination. The presence of this terminological contradiction introduces ambiguity in its understanding not only in theory, but also in practice, makes it difficult to comprehensively understand the entire system of preliminary investigation, levels out the institution of knowledgeable persons.

Keywords: terminology, evidence, investigative actions, procedural actions, forensic examination, appointment of forensic examination, expert, investigator.

For citation: Svetlichny A.A. K voprosu o celesoobraznosti ispol'zovaniya termina «proizvodstvo sudebnoj jekspertizy» v ugovolno-processual'nom zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii [The advisability of using the term "production of forensic expertise" in the criminal procedural legislation of the Russian Federation] . Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, vol., no. 3 (106), pp. 182–193.

DOI: 10.55001/2312-3184.2023.19.68.016

Передача информации без участия языка практически невозможна. Посредством закрепленной в языке информации мы получаем знание о накопленном коллективном опыте, что призвано способствовать дальнейшему развитию творческой мысли. Именно через язык информационная картина мира получает возможность социального репродуцирования, связанного не с простым копированием, а с активным, целенаправленным отношением к прошлому опыту. Необходимо понимать, что термины выступают своеобразным инструментом, используемым для приобретения,

хранения, репродукции, передачи особой информации, создающей систему языкового выражения специальных понятий (терминологию), необходимую для развития познавательной и преобразующей деятельности человека. Иными словами, термин служит средством передачи или обмена информацией в пространстве и во времени.

Специфика русского языка, его богатство синонимами и иными многочисленными средствами, призванными разнообразить нашу речь, иногда негативно сказывается на передаче необходимой информации, поскольку не всегда термины используются правильно и корректно. Порой замена одного термина на синоним несколько искажает начальную информацию и, в последующем, приводит к недопониманию субъектов. Особенно важен этот вопрос для юридической сферы деятельности, где от корректности использования терминов, например, в нормативно-правовых актах, напрямую зависит дальнейший процесс их реализации на практике. И здесь крайне важно, чтобы замысел, заложенный в правовой норме законодателем, был правильно интерпретирован, что, соответственно, напрямую зависит от соблюдения используемых норм и правил, разработанных терминологией.

Полагаем, что от правильности и корректности изложения правовых норм, регламентирующих назначение, организацию и непосредственное производство судебных экспертиз, напрямую зависит и обеспечение их качества.

К сожалению, анализ нормативно-правовых актов, регламентирующих судебно-экспертную деятельность, показывает нам, что далеко не всегда они построены с учетом обозначенных терминологией требований. В ряде случаев, законодателем используются терминологические конструкции, которые некорректно отражают и передают субъектам правоприменительной деятельности информацию, что, соответственно негативно сказывается не только на практическом поле деятельности, но и является основанием для возникновения противоречий в теории науки, например, при определении роли и места судебной экспертизы в системе следственных и процессуальных действий.

Уровень развития терминологического аппарата судебной экспертологии, как важной составляющей ее методологии, является показателем разработанности науки, свидетельством ее системности и сформированности. Вместе с тем, происходящие интеграционные процессы в системе уголовно-правовых наук отчетливо нам показывают, что для успешности реализации общей для них цели – противодействия преступности, крайне важно формирование единого терминологического пространства, на котором вся используемая терминология уголовного права, криминалистики, судебной экспертологии, уголовно-исполнительного права, криминологии, уголовного процесса, теории оперативно-розыскной деятельности воспринималась бы всеми субъектами единообразно и однозначно. Только в том случае, когда все участвующие субъекты как в сфере теоретических разработок, так и в правоприменительной деятельности, будут вкладывать единый смысл в то или иное понятие, результаты их совместной деятельности будут гораздо выше.

Однако, и теория, и практика отчетливо нам показывают, что в настоящее время данная проблема далека от решения. Комплексный анализ терминологии наук уголовно-правового цикла свидетельствует о том, что к большинству используемых терминов существуют многообразные авторские подходы, порой весьма значительно отличающиеся друг от друга не только в рамках очерченного круга наук, но и в области какой-либо конкретной из них, например, судебной экспертологии.

Нет никаких сомнений, что таких несогласованностей и противоречий быть не должно. Любой термин, используемый в рамках предлагаемого нами единого терминологического поля [1, с. 107; 2, с. 143; 3, с. 27], должен повлечь за собой его единообразное восприятие не только в теории, но и в сфере правоприменительной деятельности между всеми субъектами.

Одним из терминов, неоднозначно воспринимаемых в рамках единого терминологического поля, является «производство судебной экспертизы». Именно при помощи данного словосочетания законодатель назвал главу 27 УПК РФ, что, на наш взгляд, не совсем корректно с точки зрения ее содержания и приводит к многочисленным дискуссиям относительно места судебной экспертизы в системе процессуальных действий.

Процесс назначения и проведения судебной экспертизы, как справедливо отмечал в своих трудах Р.С. Белкин, «состоит из комплекса познавательных и удостоверительных приемов, образующих систему, составляющую научно-правовую основу любого следственного действия» [4, с. 136].

Несмотря на большую значимость для уголовного процесса результатов судебно-экспертной деятельности, как источника доказательств, и, соответственно, особого внимания как законодателя, так и ученых, к вопросам ее назначения и производства, в данной области есть несколько спорных и противоречивых моментов, о чем неоднократно ведутся дискуссии на страницах научной и учебной литературы, в том числе, и в последние годы, после рассмотрения и принятия многочисленных поправок в уголовно-процессуальное законодательство.

Как отмечает Б. Я. Гаврилов, многие положения уголовно-процессуального законодательства относительно вопросов назначения и производства судебных экспертиз в уголовном судопроизводстве всегда были и остаются предметом активных обсуждений как представителей научного сообщества, так и практикующих юристов [5, с. 412]. На наличие многочисленных проблем, возникающих при подготовке, назначении и производстве различных классов экспертиз, среди которых первое место занимают процессуальные, указывает и А. М. Каминский [6, с. 437].

Попробуем разобраться, какой смысл заложен законодателем в название главы УПК РФ, как это соотносится с положениями иных нормативно-правовых актов, регламентирующих судебно-экспертную деятельность, какое содержание термину «производство судебной экспертизы» дается на страницах научной и учебной литературы и какое место этим самым определяется для судебной экспертизы в системе процессуальных действий.

Для начала обратимся к философским словарям. В большинстве из них термин «производство» трактуется как одно из основных понятий различных наук, отражающее активно-деятельный способ, направленный на достижение каких-либо результатов, иными словами, это «непосредственный процесс определенной деятельности» [7, с. 785; 8, с. 405].

Теперь обратимся к содержанию положений ст.ст. 195-207 УПК РФ. Все эти правовые нормы раскрывают нам общие понятия о судебной экспертизе, регламентируют некоторые особенности ее назначения уполномоченными на то субъектами уголовного процесса. Но в данных нормах информация о непосредственном производстве судебной экспертизы полностью отсутствует. И это вполне оправдано, так как нормативно закреплять ход и порядок действий эксперта при проведении им исследований в рамках производства экспертизы в положениях уголовно-процессуального законодательства

нет не только необходимости, но и практической возможности. Для этой цели у экспертов имеется множество рекомендаций и соответствующих методик.

О чем же тогда, с точки зрения закона, идет речь в главе 27 УПК РФ? Учитывая логику изложения нормативно-правового акта и содержательный компонент данной главы, нужно полагать, что законодатель относит «производство экспертизы» к системе следственных действий. Однако в ст. 9 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности» экспертиза трактуется как предусмотренное законодательством Российской Федерации о судопроизводстве не следственное, а уже просто процессуальное действие. Аналогичная трактовка содержится и в ст. 1 проекта Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Указанные терминологические недоработки и законодательные противоречия привели к тому, что в теории сложилось несколько позиций относительно данного вопроса. Ряд авторов полагают, что судебная экспертиза находится в системе следственных действий. Этой позиции придерживаются большинство ученых в области уголовно-процессуальной науки, некоторые криминалисты, например, В. П. Божьев, С. А. Колосович, А. П. Гуськов, А. В. Ендольцева, В. С. Балакшин, А. Д. Прошляков, В. М. Быков, И. Е. Быховский, Г. А. Абдумаджидов, Ю. К. Орлов [9, с. 334; 10, с. 328; 11, с. 424; 12, с. 116; 13, с. 10; 14, с. 187] и др.

Как отмечает А. Н. Ильяшенко, большинство сторонников данной позиции, как правило, говорят о том, что экспертиза является следственным действием, так как «назначает и проводит ее следователь и другие лица, уполномоченные на проведение следственных действий» [15, с. 269]. Здесь опять вызывает вопрос употребление автором термина «проводит» и по нескольким причинам. Во-первых, если проводит, то обязан все время присутствовать при ее проведении? Но УПК РФ говорит об этом иначе. Во-вторых, насколько возможно «проведение», если производство судебной экспертизы является исключительной прерогативой судебно-экспертных учреждений и экспертов, но никак не следователя и каких-либо иных участников уголовного судопроизводства? А. Н. Ильяшенко в этой же работе высказывает несколько иное мнение и говорит о возможности «рассматривать следователя в качестве субъекта, участвующего в процессе получения доказательства, так как его деятельность при этом представляет непрерывный процесс взаимодействия с экспертом» [15, с. 269].

Далее указанный автор, ссылаясь на группу ученых [16, с. 53; 17, с. 134; 18, с. 62; 19, с. 51; 20, с. 283], высказывает еще более спорное суждение о том, что следователю «предоставлено право присутствовать при производстве экспертного исследования и полностью контролировать процесс, результатом которого является оформление заключения эксперта, являющегося в уголовном процессе прямым или косвенным доказательством» [15, с. 269].

Относительно предоставленного права присутствия следователя при производстве экспертизы у нас вопросов не возникает, поскольку ч. 1 ст. 197 УПК РФ прямо говорит об этой возможности для следователя, но насколько целесообразно и уместно использовать словосочетание «полностью контролировать процесс»? Не противоречит ли это принципу независимости эксперта и самой сути получения заключения эксперта как доказательства, да и положениям УПК РФ в целом? Откуда автор взял такое полномочие, если правовая норма ограничивается только возможностью присутствия следователя.

И право присутствия законодателем следователю предоставлено вовсе не из-за необходимости осуществления контроля процесса исследования, а для того, чтобы, в случае возникновения такой потребности у следователя, были оперативно сделаны для него пояснения тех или иных вопросов, могущих возникнуть относительно полученных экспертом выводов.

Желательным, но, повторимся, не обязательным является присутствие следователя при производстве экспертизы в тех случаях, когда сам ход экспертизы может помочь следователю глубже вникнуть в обстоятельства события, помочь установить новые источники доказательств, например при проведении пожарно-технической экспертизы, когда моделируются источники и процессы загорания.

К тому же, как показывает проведенный нами опрос экспертов, некоторые из которых имеют стаж профессиональной деятельности более 20 лет, правом этим следователи практически не пользуются, и дело не только в их большой занятости, необходимости такая возникает очень редко.

Вместе с тем, как справедливо подчеркивает А.Б. Соловьев, «роль следователя при проведении судебной экспертизы достаточно активна: он собирает материалы для экспертного исследования, формулирует вопросы, вправе присутствовать при проведении этого следственного действия, оценивает представленное ему заключение и т. д.» [21, с. 31]. Но разве это позволяет говорить о том, что следователь осуществляет «производство» экспертизы? Не вызывает ли это в целом противоречий в теоретической конструкции института «сведущих лиц», которая базируется на постулате о том, что носителями специальных знаний выступают только сведущие лица, к которым законодатель четко относит исключительно эксперта и специалиста?

Об определяющей роли следователя при производстве судебной экспертизы говорит и С. Б. Россинский. В подтверждении своей мысли указанный ученый приводит аргументы и цитату С. А. Шейфер, полностью с ней соглашаясь: «именно следователь определяет в своем постановлении о назначении экспертизы предмет и *программу* (курсив наш автора) экспертного исследования, представляет эксперту объекты исследования, осуществляет контроль за объективностью, полнотой и научностью исследования» [22, с. 348; 23, с. 58–59].

В большей степени соглашаясь с позицией ученых, мы хотели бы обратить внимание и поставить вопрос об уместности использования фразы «определяет программу исследования». Что здесь имели в виду авторы?

Как следует из философских словарей, программа (греч. *programme* – объявление, предписание) – это способ пошаговой (поэтапной) организации деятельности по развертыванию какого-либо содержания, а также по организации и реализации познавательных (исследовательских) содержаний и процедур [24, с. 457; 25, с. 445].

Получается, следователь определяет алгоритм действия эксперта, определяет методику проведения экспертного исследования? Опять возникает вопрос: откуда у следователя такие полномочия? Ни УПК РФ, ни ФЗ от 31.05.2001 N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности», ни какие-либо иные акты, имеющие отношение к назначению и производству судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве, такими полномочиями следователя не наделяют. Более того, исходя из общего смысла уголовного судопроизводства, следователь не должен иметь к этому абсолютно никакого отношения. Активная роль следователя должна проявляться в собирании доказательств, в том числе с помощью назначения судебных экспертиз, т. к. на нем лежит

прямая обязанность по формированию доказательственной базы, поэтому, в зависимости от обстоятельств он имеет возможность получить необходимую доказательственную информацию посредством заключения эксперта, но сам процесс производства экспертизы целиком и полностью осуществляется экспертом.

Далее в этой же работе С. Б. Россинский справедливо отмечает, что все эти действия со стороны следователя при производстве экспертизы сами по себе не носят непосредственного познавательного характера, а направлены, на обеспечение надлежащего процессуального режима и создание необходимых организационно-технических условий предстоящей экспертизы. Что же касается непосредственно самой деятельности эксперта, осуществляемой им в процессе «производства», то она абсолютно независима от указаний следователя [22, с. 349], что полностью соответствует базовым принципам уголовного судопроизводства, об этом же идет речь в ст. 7 Федерального закона от 31.05.2001 N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности». Помимо нормативной закреплённости независимость судебных экспертов, как отмечает А.Ф. Вольнский, обеспечивается также «их личной ответственностью и порядочностью, их профессиональной подготовкой, системой аттестации» [26, с. 22].

На наш взгляд, проблема в указанных выше дискуссиях кроется, опять же в терминологии, в трактовке, которую авторы вкладывают в термин «производство», расширяя его значение на весь процесс научной судебно-экспертной деятельности, включающий, как мы ранее отмечали, несколько этапов: с момента ознакомления, исследования и завершая оценкой полученных результатов и формулированием вывода.

Другая группа ученых предлагает проводить отграничения между следственными действиями и судебной экспертизой, рассматривать их как различные уголовно-процессуальные категории. К сторонникам указанной позиции относится большинство ученых в области криминалистики и судебной экспертологии (например, С. Ф. Бычкова, Ю. Г. Корухов, А. В. Кудрявцева, В. А. Михайлов, Н. А. Духно, В. Ю. Шепитько и др. [27, с. 6; 28, с. 236; 29, с. 303; 30, с. 24]), но очень мало приверженцев среди ученых-процессуалистов.

Так, например, Ю. Г. Корухов полагает, что «судебная экспертиза – самостоятельная процессуальная форма получения новых и проверки (уточнения) имеющихся доказательств». В качестве отличительных признаков данного процессуального действия он называет «своеобразие формы ее назначения, производства и процессуального оформления» [31, с. 4].

Таким образом, как следует из нормативно-правового регулирования судебно-экспертной деятельности, в частности, и всей системы предварительного расследования, в целом, а также из теоретических позиций различных ученых по этому вопросу, судебная экспертиза должна находиться в системе следственных действий, так как итогом ее проведения выступает заключение эксперта, являющееся источником доказательства и оцениваемое следователем наравне с иными доказательствами, имеющимися в арсенале следователя, полученными по итогам производства следственных действий. Но в то же время, ее следует отнести к самостоятельной процессуальной категории в рамках данной системы, поскольку в отличие от следователя, в данном случае субъектом познавательной деятельности выступает эксперт, а следователь испытывает потребность в использовании не своих юридических знаний, а иных, «специальных» знаний, носителем которых выступает иная процессуальная фигура - эксперт. Можно говорить об опосредованной познавательной деятельности следователя через эксперта. Схожую точку

зрения разделяют и некоторые иные ученые, в том числе и процессуалисты [22, с. 248; 32, с. 78].

На основании этого необходимо заключить, что использование законодателем термина «производство судебной экспертизы» в главе 27 УПК РФ вступает в противоречие с содержанием термина «производство» и субъектом деятельности в отношении производства судебной экспертизы. Наличие этого терминологического противоречия вносит неоднозначность его понимания не только в теории (о чем свидетельствуют приведенные нами выдержки из научных публикаций), но и на практике, затрудняет комплексное понимание всей системы предварительного расследования, нивелирует институт сведущих лиц.

Мы полагаем, что термин «Назначение судебной экспертизы» в полной мере соответствовал бы гносеологической сущности, а также отвечал бы критериям точности и однозначности формирования терминологических моделей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Светличный, А. А. Современные интеграционные процессы терминологического аппарата уголовно-правовых наук // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 1. С. 102-113.
2. Светличный, А. А. Соотношение терминов «уголовный процесс», «судопроизводство» и «правосудие» сквозь призму криминалистического анализа // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 2. С. 139–144.
3. Светличный, А. А. Несовершенство терминологии процессуального законодательства как причина неоднозначности понятийного аппарата правоприменительной практики раскрытия и расследования преступлений // Российский следователь. 2021. № 5. С. 26-29.
4. Белкин, Р. С. Очерки криминалистической тактики : учеб. пособие. Волгоград, 1993. 200 с.
5. Гаврилов, Б. Я. Проблемы совершенствования законодательства о производстве судебных экспертиз // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 411–419.
6. Каминский, А. М. Процедурные и организационные вопросы назначения и производства судебных экспертиз // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 437–439.
7. Новейший философский словарь [Текст] / сост., гл. науч. ред. А. А. Грицанов. 3-е изд., испр. Минск: Книжный дом, 2003. 1280 с.
8. Философский энциклопедический словарь / [ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко]. Москва: ИНФРАМ, 2007. 575 с.
9. Уголовный процесс: учебник. / Под ред. В. П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2002. 541 с.
10. Уголовный процесс: учебник. / Под ред. А. П. Гуськовой, А. В. Ендольцевой. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2007. 398 с.
11. Уголовный процесс: учебник. / Под ред. В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко, А. Д. Прошлякова. М.: Волтерс Клувер, 2011. 1015 с.
12. Абдумаджидов, Г. А. Расследование преступлений (процессуальноправовое исследование). Ташкент: Узбекистан, 1986. 190 с.
13. Орлов, Ю. К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: ИПК РФЦСЭ, 2005. 261 с.
14. Быков, В. М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. – Казань: Познание, 2008. 298 с.
15. Ильященко, А. Н. Производство отдельных видов судебной экспертизы как следственное действие // Общество и право. 2011. № 3 (35). С. 268–273.
16. Петрухин, И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М., 1964. 266 с.

17. Эйсман, А. А. Заключение эксперта (структура и научное обоснование). М., 1967. 152 с.
18. Хмыров, А. А. Косвенные доказательства. М., 1979. 183 с.
19. Селина, Е. В. Доказывание с использованием специальных познаний по уголовным делам. М. 2003. 138 с.
20. Треушников, М. К. Судебные доказательства. М., 1997. 268 с.
21. Соловьев, А. Б. Система следственных действий как средство уголовнопроцессуального доказывания (проблемы уголовного процесса и криминалистики): Науч. метод. пособие. М., 2006. 207 с.
22. Россинский, С. Б. К вопросу о месте судебных экспертиз в системе средств уголовно-процессуального познания // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. С. 346–351.
23. Шейфер, С. А. Место экспертизы в системе средств уголовно-процессуального познания. // Материалы международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 14–15 февраля 2007 г.). – М.: Проспект, 2007. С. 58-59.
24. Новейший философский словарь [Текст] / под общ. ред. А. П. Ярещенко. 3-е изд. - Ростов-на-Дону : Феникс, 2008. 668 с.;
25. Философский энциклопедический словарь / [ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко]. Москва: ИНФРА-М, 2007. 575 с.
26. Вольнский, А. Ф. Принцип процессуальной независимости судебного эксперта, а не специалиста // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 1. С. 21–24.
27. Духно, Н. А., Корухов, Ю. Г., Михайлов, В. А. Судебная экспертиза по новому законодательству России (в уголовном, гражданском, арбитражном, административном процессах). / Под ред. Ю. Г. Корухова. М. ЮИ МИИТа, 2003. 393 с.
28. Шепитько, В. Ю. Криминалистика: курс лекций. Изд. 3-е. Харьков: ООО «Одиссей», 2009. 236 с.
29. Бычкова, С. Ф. Судебная экспертиза: научные, организационноправовые и методические основы. Алматы: Жеті Жарғы, 2002. 352 с.
30. Кудрявцева, А. В. Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права: дис... д.ю.н. Челябинск: ЮУрГУ; СПб.:СПБУ МВД России, 2001. 497 с.
31. Корухов, Ю. Г. Судебная экспертиза в уголовном процессе: практическое пособие для экспертов и судей. М.: Пресс Бюро, 2012. 95 с.
32. Россинский, С. Б. Еще раз о понятии и сущности следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия не закончена ... // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. №1. С. 74–82.

REFERENCES

1. Svetlichnyi A.A. Sovremennye integratsionnye protsessy terminologicheskogo apparata ugovolno-pravovykh nauk [Modern integration processes of the terminological apparatus of the criminal legal sciences]. Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of Tul'skogo gosudarstvennogo universitet 2022, no. 1, pp.102-113. (in Russian).
2. Svetlichnyi A.A. Sootnoshenie terminov «ugolovnyi protsess», «sudoproizvodstvo» i «pravosudie» skvoz' prizmu kriminalisticheskogo analiza [Relationship of the terms "criminal procedure", "legal procedure" and "justice" through the prism of forensic analysis]. Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of Tul'skogo gosudarstvennogo universitet. 2021, no. 2, pp. 139-144. (in Russian).
3. Svetlichnyi A.A. Nesovershenstvo terminologii protsessual'nogo zakonodatel'stva kak prichina neodnoznachnosti ponyatiinogo apparata pravoprimeritel'noi praktiki raskrytiya i rassledovaniya prestuplenii [Imperfection of terminology of procedural legislation as a cause of ambiguity of the conceptual apparatus of law enforcement practice of crime detection and investigation]. Rossijskij sledovatel' – Russian investigator. 2021, no. 5, pp. 26-29. (in Russian).
4. Belkin R.S. Ocherki kriminalisticheskoi taktiki [Essays on forensic tactics]. Volgograd, 1993, 200 p. (in Russian).

5. Gavrilov B.Ya. Problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva o proizvodstve sudebnykh ekspertiz [Problems of improving the legislation on the production of forensic examinations]. *Juridicheskaja tehnika – Legal Technique*. 2022, no. 16, pp. 411–419. (in Russian).
6. Kaminskii A.M. Protsedurnye i organizatsionnye voprosy naznacheniya i proizvodstva sudebnykh ekspertiz [Procedural and organisational issues of appointment and production of forensic examinations]. *Juridicheskaja tehnika – Legal Technique*. 2022, no. 16, pp. 437–439. (in Russian).
7. Gritsanov A. A. (Ed.) *Noveishii filosofskii slovar'* [The Newest Dictionary of Philosophy]. Minsk: Book House, 2003, 1280p.
8. Gubsky E. F., Korableva G. V., Lutchenko V. A. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical encyclopaedic dictionary]. Moscow: INFRAM, 2007, 575p. (in Russian).
9. Bozheva V.P. (ed.) *Ugolovnyi protsess* [Criminal procedure]. M.: Spark, 2002, 541p. (in Russian).
10. Guskova A.P., Endoltseva A.V. (Ed.) *Ugolovnyi protsess* [Criminal procedure]. M.: UNITI-DANA: Law and Legal, 2007, 398p. (in Russian).
11. Balakshina V.S., Kozubenko Yu.V., Proshlyakov A.D. (Ed.) *Ugolovnyi protsess* [Criminal procedure]. M.: Wolters Kluwer, 2011, 1015p. (in Russian).
12. Abdumadzhidov G.A. *Rassledovanie prestuplenii (protsessual'nopravovoe issledovanie)* [Investigation of offences (procedural and legal study)]. Tashkent, Uzbekistan, 1986, 190 p. (in Russian).
13. Orlov Yu.K. *Sudebnaya ekspertiza kak sredstvo dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve* [Forensic Expertise as a Means of Proof in Criminal Proceedings]. M.: IPK RFTSSE, 2005, 261p. (in Russian).
14. Bykov V.M. *Aktual'nye problemy ugolovnogo sudoproizvodstva* [Topical problems of criminal proceedings]. Kazan: Knowledge, 2008, 298p. (in Russian).
15. Il'yashenko A.N. *Proizvodstvo otdel'nykh vidov sudebnoi ekspertizy kak sledstvennoe deistvie* [Production of certain types of forensic expertise as an investigative action]. *Society and Law – Society and Law*. 2011, no. 3 (35), 268–273p. (in Russian).
16. Petrukhin I.L. *Ekspertiza kak sredstvo dokazyvaniya v sovetskom ugolovnom protsesse* [Expertise as a means of proof in Soviet criminal proceedings.]. M., 1964, 266p. (in Russian).
17. Eisman A.A. *Expert judgement (structure and scientific justification)* [Zaklyuchenie eksperta (struktura i nauchnoe obosnovanie)]. M., 1967, 152p. (in Russian).
18. Khmyrov A.A. *Kosvennye dokazatel'stva* [Circumstantial evidence]. M., 1979, 183p. (in Russian).
19. Selina E.V. *Dokazyvanie s ispol'zovaniem spetsial'nykh poznanii po ugolovnym delam* [Evidence using specialised knowledge in criminal cases]. M. 2003, 138 p. (in Russian).
20. Treushnikov M.K. *Sudebnye dokazatel'stva* [Forensic evidence]. M., 1997, 268p. (in Russian).
21. Solov'ev A.B. *Sistema sledstvennykh deistvii kak sredstvo ugolvnoprotsessual'nogo dokazyvaniya (problemy ugolovnogo protsessa i kriminalistiki)* [The system of investigative actions as a means of criminal procedural proof (problems of criminal procedure and criminalistics)]. M., 2006, 207p. (in Russian).
22. Rossinskii S.B. [K voprosu o meste sudebnykh ekspertiz v sisteme sredstv ugolovno-protsessual'nogo poznaniya]. *News of the Tula State University. Economic and legal sciences – Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomicheskie i juridicheskie nauki..* 2013, no. 4-2, pp.346-351. (in Russian).
23. Sheifer S.A. [Place of expertise in the system of means of criminal procedural cognition]. *Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Teoriya i praktika sudebnoj jekspertizy v sovremennykh usloviyah»* (g. Moskva, 14–15 fevralja 2007 g.). [Proceedings of the international scientific-practical conference "Theory and practice of forensic examination in modern conditions" (Moscow, February 14–15, 2007)]. M.: Prospekt, 2007, pp. 58-59. (in Russian).
24. Yareshchenko A. P. (Ed.) *Noveishii filosofskii slovar'* [The Newest Dictionary of Philosophy]. Rostov-on-Don: Phoenix, 2008, 668p. (in Russian).

25. Gubsky E. F., Korableva G. V., Lutchenko V. A. (Ed.) *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, 2007, 574 p. (in Russian).
26. Volynskii A.F. Printsip protsessual'noi nezavisimosti sudebnogo eksperta, a ne spetsialista [The principle of procedural independence of a forensic expert rather than a specialist]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019, no. 1, pp. 21-24. (in Russian).
27. Dukhno N.A., Korukhov Yu.G., Mikhailov V.A. Sudebnaya ekspertiza po novomu zakonodatel'stvu Rossii (v ugovornom, grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom protsessakh) [Forensic expertise under the new Russian legislation (in criminal, civil, arbitration, administrative proceedings)]. *M. YuI MIIT*, 2003, 393p. (in Russian).
28. Shepit'ko V. Yu. *Kriminalistika*. [Forensics]. Kharkov: Odyssey LLC, 2009, 236p. (in Russian).
29. Bychkova S.F. *Sudebnaya ekspertiza: nauchnye, organizatsionnopravovye i metodicheskie osnovy* [Forensic Expertise: Scientific, Organisational, Legal and Methodological Basis]. Almaty: Zheti Zharfy, 2002, 352p. (in Russian).
30. Kudryavtseva A.V. *Sudebnaya ekspertiza kak institut ugovornoprotsessual'nogo prava: dis... d.yu.n* [Forensic expertise as an institute of criminal procedural law: Ph. D. Sci.]. Chelyabinsk: SUSU; SPb.: St. Petersburg Ministry of Internal Affairs of Russia, 2001, 497 p. (in Russian).
31. Korukhov Yu.G. *Sudebnaya ekspertiza v ugovornom protsesse: prakticheskoe posobie dlya ekspertov i sudei* [Forensic Expertise in Criminal Proceedings: A Practical Manual for Experts and Judges.]. M.: Press Bureau, 2012, 95p. (in Russian).
32. Rossinskii S.B. [Eshche raz o ponyatii i sushchnosti sledstvennykh deistvii v ugovornom sudoproizvodstve: diskussiya ne zakonchena [Once again about the concept and essence of investigative actions in criminal proceedings: the discussion is not over]. *Laws of Russia: experience, analysis, practice – Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 2021, no.1, 74–82 p. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Светличный Александр Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой судебной экспертизы и таможенного дела. Тульский государственный университет. 300012, Российская Федерация, Тула, пр. Ленина, д.92.
ORCID: 0000-0001-5611-9914

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander Alekseevich Svetlichny, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Forensic Science and Customs. Tula State University", Lenin Ave., 92, Tula, Russian Federation, 300012, ORCID: 0000-0001-5611-9914

Статья поступила в редакцию 05.05.2023; одобрена после рецензирования 12.05.2023; принята к публикации 04.09.2023.

The article was submitted 05.05.2023; approved after reviewing 12.05.2023; accepted for publication 04.09.2023.